

Надежда Чернова

МИР НЕРУКОТВОРНЫЙ

ДВАДЦАТЫЙ ГОД

Двадцатый век.
 Двадцатый год.
 Война гражданская идёт.
 И Красной армии поход
 На непокорные станицы;
 И Белой армии исход
 В края чужие, за границы.
 Неужто снова повторится
 Раскол, что пережил народ,
 И не прочитаны страницы
 До самой точки, до конца –
 До жизни деда и отца?

Ночные вспыхнули зарницы,
 Но это гроз небесных бой.
 Спокоен мир. Река струится
 Сквозь вечность лентой голубой.
 В саду поёт ночная птица,
 И месяц выгнулся дугой.
 Двадцатый год, но век другой.

КАК Я ЖИЛА (притча)

Как я жила? – А так жила:
 И забродивший мёд пила,
 И воду из колодца.
 Ногой качая колыбель,
 Я дула в детскую свирель
 И слушала воротца:

Вдруг постучится человек?
 Щеколда звякнет, скрипнет снег.
 Помедлит гость немного,
 Но снимет латы, бросит щит,
 И вот он – рядом, вот – стоит,
 Смущаясь, у порога.

Где образа – огонь свечи,
 И пахнет хлебом от печи,
 И чья-то тень в глухой ночи
 Играет на свистулке.
 И спросит гость:
 «Как ты жила?
 С кем забродивший мёд пила?
 Кого качаешь в люльке?»

Как я жила? – Не помня зла,
 Играла на свирели,
 Пока душа моя спала
 В кленовой колыбели.

Как я жила? – Метель мела,
 А я всё милого ждала
 Из дальнего похода.
 Потом черёмуха цвела,
 Потом июль, потом ветла
 Осыпалась у брода;
 Потом опять зима, зима...
 Я не заметила сама,
 Как солнце закатилось.
 Как я жила? – Белым-бела,
 Я лёгким облаком плыла
 И напослед светилась.

Не видел ли ты где меня,
Поля чужие бороня
То саблей, то секирой,
А то копьём, сбивая злость?

«Нет, не видал! – заплакал гость, –
Хоть и прошёл полмира.
Я был изранен. Был в крови.
Чужие брал наделы.
Пленил я, вервием обвив,
Татарок, жадных до любви,
Кинжал вонзавших в тело;
Турчанок, яростней грозы;
Степнячек с луком из лозы –
До звёзд летят их стрелы!

Но ты не попадалась мне,
А только грезилась во сне
Да облаком мелькала
И озаряла светом дол.
И вот я до тебя дошёл,
Хоть вечность миновала.

Всё тот же обветшалый сруб,
Всё та же дудочка у губ,
И свежесть каравая.
Но где же юная жена? –
Сидит старуха у окна,
Меня не узнавая...»

СТЕПЬ ЦВЕТЁТ

1

Степь цветёт.
Горчит уже полынь,
Но так много мёда в медунице,
Что воды колодезная стынь
На губах горячих сахарится.
Пьём и пьём, и сладкая вода
Молодую кровь вливает в жилы.
Нас не тронет старость никогда,
Сколько бы на свете мы ни жили –
Так казалось на исходе дня,
Посреди цветущего пролетая,
Ведь люблю я, любят и меня –
Целый день, а может, и столетье.

2

Степь цветёт. Мерцают светляки.
Вспыхивают огненные очи
Сов ночных, зверьков песчаных кочек
И волшебных жителей реки.
Степь цветёт. Мы на краю земли,
Посреди ночного мирозданья.
Боже мой, что в небе за сиянье? –
Там сейчас влюблённые прошли...

СНЫ КОЛХИДЫ

1

Сосновою свежестью вея,
Колхида прекрасна, как рай,
Но в грусти царевна Медея:
Не нужен ей пчёл урожай,
И персиков сладких корзины,
И горький осенний миндаль,
Все эти сады и долины,
Вся эта зелёная даль.

Браслеты блестят золотые,
И кольца, из солнца литые,
И серьги небесной игры.
Отцовская слабость – Медея.
Он груб, но от нежности млея,
Отец посылал ей дары.

Но жмут ей браслеты запястья,
Но кольца капканов тесней,
И нет, не приносят ей счастья
Серёжки из лунных камней.

Лучи заиграют косые –
Стремглав она к морю бежит,
И студит ей ноги босые
Скалы неприступной гранит.

Завидует чайкам, ведь птицы
Не знают преград и границ.
Вот если бы ей превратиться
В одну из летающих птиц!

Летать над волнами с рассвета,
От стражи отцовской вдали,

И, может быть, встретятся где-то
Любимого корабля...

2

Отвыла вода, отштормила –
Смиряется яростный Понт.
Отважный Ясон у кормила,
И виден уже горизонт.

В туманном колеблется дыме
Колхида – судьбы поворот.
Медея – медовое имя,
От Солнца небес её род!

На скалах смеётся и пляшет,
Платком кружевным она машет,
И ей отвечает Ясон.
Пройдёт и столетие наше,
А этот не кончится сон...

3

Не миф это вовсе, не сказка:
Когда, у каких же дверей
Отцовская нежность и ласка
Могла удержать дочерей?

Их кольца и серьги не купят,
Проклятья назад не вернут –
Они через всё переступят
И всё за любовь отдадут;
Забудут родную долину,
И брата убьют, и врага,
Священного овна овчину
К чужим они бросят ногам!

Средь кож и сухого тимьяна,
Средь бочек, где плавится мёд,
Руно золотого барана
Ясон из Колхиды везёт.

Другого ему и не надо –
Он выполнил долг до конца.
Его увенчает Эллада
Почётом и гимном певца.

Да только не вынуть занозу –
Туман, наваждение, сон:

Медею, колхидскую розу,
Зачем-то увозит Ясон.
Плутовка! Отца обхитрила,
Украда Ясону руно.
Летят они! Вздулось ветрило
И пенится море вином.

Хмельная, смешная забава –
Чужих похищать дочерей.
Стихия и слева, и справа,
И страсти она поострей!

Всё зря: и венчание лавром,
И ради наживы труды –
Воспитанный в детстве Кентавром,
Ясон не выносит узды,
Ведь он мореход и скиталец,
И ветер свободой гудит.
Зачем занозил он не палец,
А сердце в холодной груди?

Ночные качаются тени.
Склонившись к нему на колени,
Медея заснула сейчас.
И несколько кратких мгновений
Её отделяют от нас...

4

...Вдоль моря я шла за веками.
Среди золотого песка
Мне встретился треснувший камень,
И рана была глубока.
В крупницах гранитного перца,
Лежал он, не помня конца.
О, Господи!
Это же сердце,
Разбитое сердце отца...

ЖИЗНЬ

Татьяне Азовской

1

Когда была вся жизнь в начале,
Такие клятвы там звучали!
Ещё нам слышен отзвук медный
В осеннем утреннем лесу.

Теперь живём без обещаний,
Хотя душа не обнищала,
Но проще слог, на краски бедный:
Таит он горечи слезу...

2

Английский детектив. Закрученный,
Непредсказуемый сюжет.
Старинный замок рядом с тучами,
И никого в округе нет.

Стоит он на пустынном острове —
Лишь море бурное вокруг.
Там кораблей разбитых остовы,
Останки лодок и фелюг.

Ведёт от моря к замку лестница.
Тускнеют влажные следы.
Мелькает в окнах счастья вестница —
Вся в белом — юная прелестница,
И ждёт любви, а не беды.

Протоптаны тропинки новые.
Из-под дождя заходим в дом.
Там стены тёмные, дубовые.
Там пол скрипучий под ковром.

Сидит за ужином компания.
Играет скрипка. Пунш горяч.
В камине пламени мерцание.
И меж гостей сидит палач.

Хоть пистолеты под подушкою,
А казнь свершается опять —
И гибнут гости друг за дружкой,
И палача не угадать.

Попала будто в книжку старую,
Живу как будто в замке я:
И в одиночестве, и парами
Враги уходят и друзья.

О скалы бьётся море пенное.
Рука карателя крепка.
Чья жизнь, и грешная, и брэнная,
На очереди у стрелка?

3

Такая жизнь огромная,
Такая непростая,
Как книга многотомная,
Которую листаем.
Но вот мелькнула в форточке
Душа, и птицей канет.
Жизнь уместилась в чёрточке
Меж датами на камне...

4

Все уходят. Уходят. Уходят.
Одиноки теперь вечера.
Мы ещё не состарились вроде,
А уже расставаться пора,
И снаряды уж падают рядом,
И осколками ранена грудь.
Все уходят.
Уходят.
Не надо!
Поживите ещё хоть чуть-чуть...

ПОД МОЖЖЕВЕЛОВЫМ КУСТОМ

И лёг, и заснул
под можжевеловым кустом,
и вот ангел коснулся его
и сказал ему: встань, ешь и пей...
Библия. Книга Царств

1

На склоне лет всё дальше солнце,
Всё ближе чёрная земля.
Сияют огненные сосны
И голубые тополя.

Что вспоминать на этом склоне,
Под можжевеловым кустом?
Несчастий дикие погони
Или народных бедствий гром?

О том я думать не хотела
Во сне счастливым, золотом,
На склоне жизни, у предела,
Под можжевеловым кустом.

2

Пронзали жаворонки дали,
 В кустах кричали воробьи,
 Сороки, ласточки сновали
 И гнёзда строили свои,
 Скворцы качались на берёзах –
 Дуэт влюблённых пар звучал.
 Был воздух серебрист и розов,
 И птичий множился хорал.

Мой Ангел, в оперенье новом,
 Поющих птиц чертил перстом,
 На склоне солнечном, зелёном,
 Под можжевельным кустом...

3

Люблю я мир нерукотворный,
 Любые замыслы его –
 Он чудотворный, не притворный,
 Он сотворён из ничего.

Ваятель птиц лепил умело
 Из глины гладкой, глины белой –
 Прекрасны сойка и желна,
 Но ни одна не полетела
 И не запела ни одна...

ЧИСТАЯ СТРАНИЦА

Клин журавлей, как клинопись веков
 На древней глине –
 вытерлись скрижали.
 Забыты книги и значенье слов,
 И языки, которые звучали.

Клин журавлей плывёт над головой
 Строкой прощальной,
 горестной печали.
 Забудут нас, едва взойдём травой –
 И не таких поэтов забывали.

Забыть, забыться,
 в пыль и прах стереть,
 Что прожито и вновь не повторится –
 О том договорились жизнь и смерть:
 О чистой, незаполненной странице.

И старость нам дана не вспоминать,
 А забывать, чтоб в памяти остались
 Лишь вспышки детства,
 где отец и мать,
 И где с небес к нам
 ангелы спускались...

ВРЕМЯ

1

Время мчит по холмам покатым,
 Превращается в океан,
 И я с веком своим двадцатым
 Где-то рядом с войной Троян,
 И с Аттилой, и с Чингизханом –
 Копья, луки и топоры! –
 И румяным потомкам странно,
 Что живу я до сей поры,
 Ведь растаяло в лунном свете
 Моё первое тысячелетье.

Новый век дышит только новым,
 И не нужно ему старьё:
 Эти палицы и подковы,
 Это сломанное копьё –
 Нет от них никакого прока,
 Как и в прошлое нет дорог...
 Смотрит пристально в душу око:
 Бог компьютерный – новый бог.

2

Человек свои мысли множил
 В камне, в глине, на бересте,
 На бумажном, простом листе,
 И на тонкой телячьей коже.

Равнодушно века стирали
 Эти старые письма,
 Но остались Творца скрижали
 И философов имена.

3

Какое глумливое время,
 Когда оголтелая рать –
 Бездарное, мелкое племя –
 Великих идёт распинать!

8
Изломаны певчие лиры –
Теперь барабанов черёд.
Повержены в мусор кумиры –
Других выбирает народ.

Мелькают бесстыжие фото –
Все звёзды вокруг, где ни плюнь,
Пока не слетит позолота
И выйдёт наружу латунь.

Но всё же бездарности правы,
Как губы криви, не криви:
Мгновенье обманчивой славы
Приятней посмертной любви.

4

Мой век ушёл. Ещё пылит дорога,
Но не догнать уставший караван,
И новый век уже глядит с порога,
Вдыхая жизни сладостный дурман.
Мой век ушёл. И двадцать первый век
За ним уйдёт, собрав свои пожитки.
Жизнь обновится до последней нитки,
Но переменится ли человек?
Или по кругу вечной каруселью
Лететь, в плену бесовского веселья:
Война и блуд, и алчность –
грешный путь,
И никуда вовеки не свернуть?

КРИСТАЛЛ

На самом дне моей души
Растёт кристалл небесный.
Он тайно светится в тиши,
В пустыне бестелесной.

А на миру и на юру,
Средь вечно порока,
Он угасает, как в жару
Ключа степного око.

Когда моя истлеет плоть
Под яблоней ветвистой,
То на ладонь свою Господь
Возьмёт кристалл мой чистый.

Что в гранях отразит кристалл?
Зачем во мне он выросал?

СААДИ

Нет золота, мой друг, у Саади,
Лишь перлы слов он высыпал – гляди!
Саади

Прекрасна жизнь в восточных сказках:
В халве, изюме, пёстрых красках,
И розы там, и соловей,
Певец любви, и принц кровей.

Сидела я, поддавшись лени,
В тени чинар, где гомон птах,
И книгу сказок на колени
Роняла в дрёме и мечтах.

В дверях узорчатых мелькало
Восточной пери покрывало,
Как облако среди жары,
И в узких прорезях чадры,
Как в двух опаснейших бойницах,
Мерцал огонь горящих глаз:
Он мог спалить не только вас,
Но всех, кто в сердце постучится.

В саду, смешлив и говорлив,
Шумел фонтан, кричали птицы.
Что проку в сказке? Пусть пылится
В шкафу, который стар и крив.
Жизнь интересней – краткий миг,
Который дышит и искрится,
Дороже всех великих книг,
И правды злой, и небылицы –
Чудесной выдумки веков.
Миг жизни – он дороже слов,
Любой исписанной страницы...

Об этом думалось опять
В саду, у изгороди старой,
Где я любила размышлять...
Дремал вот так же под чинарой
И Саади – он стал скучать.
Не может смертный передать

В звучащем слове миг прекрасный:
И этот день, сухой и ясный,
И краткой жизни благодать,
И сад гранатовый в плодах,
И золотой, медовый прах
Пыльцы цветочной над лужками –
Слова твердели на устах
И превращались в мёртвый камень.

Легко, как день, спускалась в сад,
В одежде с головы до пят,
Хозяйка молодого сада,
Но обнажать её не надо,
Чтоб красоту увидел взгляд.
Зачем же дерзкою рукой
Поэт срывает все покровы?
Зачем же тайну хочет слово
Представить стыдной наготой?

Пел дрозд.
Скворцы летали парой.
Финал маячил впереди.
Дремал, старея, Саади
В тени, под дряхлою чинарой.
И я дремлю в часы заката.
Со мною дремлют деревья.
Ни счастья, ни любви, ни злата
Не накопили мне слова...

ЗЕМНАЯ ХОТЬ

1

Над хвойной, зелёной еланью,
Над каждой травинкой и пнём
Здесь воздух пронизан желаньем –
И ночью, и яростным днём.

Вселенная, в хоти любовной,
Пульсирует вспышками звёзд –
И лбами сшибаются овны,
И язь выгибает свой хвост.

Несётся табун одичало,
Гонимый степным жеребцом,
Чтоб в зиму, на зорьке подталой,
Как солнце забьёт студенцом,

Кричали кобылы в загоне,
Приплод отпуская на свет,
И где-то, в заоблачной кроне,
Им ангелы пели вослед.

А нынче – горячее лето,
И мёдом наполнена плоть,
И пламенем, вспышками света
Кипит и безумствует хоть.
Средь золота спелого хлеба
Любви закипает страда –
И падают бабочки с неба,
Своё отлюбив навсегда.

2

Стонут лебеди, стелется гусь –
Дичь озёрная, птица степная.
Бьёт их в лёт, как и в древности, Русь,
Бьёт их в лёт – и пощады не знает.

Артемиды казачьих станиц
На охоту великую вышли.
На щеках их воинственных лиц
Рдел румянец, как спелые вишни.

Они ловко держались в седле.
Что им надо на этой земле? –
Чтоб любви продолжались напевы,
Чтоб вечеря была на столе,
Да вздыхали перины во мгле
У станичной полуночной Евы.

Только бабы остались в селе.
Только бабы да юные девы.

Казачи не вернутся назад –
Закрутило их чёрною вьюгой.
Они в поле осеннем лежат,
Зацелованы смертью-подругой.

По степи расстилается вой –
Плачет ночь с расплетённой косою.
Лишь один воротился живой –
Для последнего, смертного боя.
Изувеченный в битвах, без ног –
Так война казака обрубилла,
Но оставил воителю Бог
Корень жизни для вдовьего тыла.

Белым пухом, лебяжьим пером
Выстилали по хатам постели.
Привечали бойца за столом,
С ним дичину озёрную ели,
Пили мёд, и он тёк по усам
Казака, разомлевшего в холе...
И в атаку он бросился сам,
И сражался не хуже, чем в поле.
Не жалел он могучих ростков –
И не мог на себя надивиться:
Нарожали опять казаков
Оскудевшие было станицы.

Только весть прилетела в ночи:
Ждёт солдата к друзьям переправа.
И навеки наш воин почил,
Долг свой выполнив
С честью и славой.

Схоронили его всем гуртом,
Цветниками украсили дом,
Чтобы пчёлы невестились роем.
И везде говорили потом:
«Был казак настоящим героем!»

3

Пусть рок и мучает, и гнёт,
И душу рвёт струною,
Земную хоть не перебьёт
Ни миром, ни войною.
Всё сгинет, выгорит дотла,
До самой сердцевины,
С пустых небес падёт зола
На мёртвые долины,
Но в день последний на земле
Родится Свет над нами,
И в чёрной, каменной золе
Опять раздует пламя,
И недра влагой оживит,
И всех небес лохмотья –
И твердь от хоти зазвенит,
И хлябь ответит хотью!

Я это видела сама:
Вскипал кипрей, сходя с ума,
Над пепелищем пала,
И чистым облаком – сквозным,
Душистым, розовым – над ним
Душа земли сияла!

